Л.П. Дианова
МГИМО МИД России

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНОГО ЦИКЛА М. ЦВЕТАЕВОЙ «СТОЛ»)

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются способы предоставления лингвокультурной информации би- и полилингвальным учащимся, владеющим русским языком на уровне В2 и выше. Базовые пресуппозиции, накопленные студентами на данном уровне, позволяют им работать с более сложными семиотическими системами, в частности, с поэтическими текстами. Совместное с обучающимися комментированное чтение поэтического текста – это не только вовлечение в эстетический модус языка, но и ресурс для ознакомления с базовыми ценностями лингвокультуры. На материале поэтического цикла М. Цветаевой «Стол» мы пытаемся показать, как экспликация заложенных в тексте кодов способна привести к формированию у студентов нового знания о базовых ценностях изучаемой культуры.

Ключевые слова: лингвокультура, языковая картина мира, РКИ, комментированное чтение.

В «Истоке художественного творения» М. Хайдеггер писал о том, что в круг понимания эстетической действительности важно войти правильно [1]: организованная по собственным принципам функционирования реальность воображаемого представляет собой не только сложно устроенный семиотический комплекс, но и определенную систему, изоморфную психологическим (и психическим) надстройкам автора-творца, его интенциям и мироощущению, шире – контексту его бытования в культуре и социуме. Как правило, уроки РКИ для иностранных обучающихся построены по принципу

постепенного вплетения социокультурной информации в коммуникативный контекст: такая стратегия, как правило, не вызывает отторжения в силу несформированности общего культурного фона у студентов. Однако на более высоких уровнях владения языком изучаемые тексты и их лингвокультурные корреляции могут предоставить аудитории интересный и разносторонний материал для осмысления. «Художественные тексты не только расширяют лексическую базу, иллюстрируют грамматические явления, развивают речевые навыки и читательскую компетенцию, способствуют приобретению новой информации и познанию окружающего мира, но и знакомят студента с поведенческими стереотипами представителей разных эпох, особенностями культуры» [2, с. 553].

Изучение поэтических текстов в иноязычной (в том числе, билингвальной) аудитории – это всегда вызов и для преподавателя, и для обучающихся. С одной стороны, на уровне владения русским языком выше В2 аудитория уже готова воспринимать культурогенные тексты. С другой - преподаватель должен передать обучающимся навигационные данные для безопасного погружения в новое для них лингвокультурное пространство. Поэтический текст как зона подобной иммерсии видится нам более удобным инструментом по сравнению с текстом прозаическим в силу ограниченности объема и внутренней кодовой насыщенности: вся подтекстовая информация, заложенная в произведении, может быть эксплицирована совместными усилиями преподавателя и обучающихся и атрибутирована необходимым герменевтическим комментарием, проливающим свет на определенный фрагмент языковой картины мира.

Когда мы говорим о таком явлении, как языковая картина мира (ЯКМ), мы подразумеваем запечатленные в языке факты действительности, которые прошли долгий путь формирования и селекции на уровне диахронии и имеют непосредственное влияние на менталитет этноязыкового сообщества. Это не только концептосфера лигвокультуры, о которой писал академик Д.С. Лихачев, но и сложная система сценариев общественного (в частности, речевого)

поведения, предписаний (скриптов), принятых в социуме, табу, максим, регулирующих кооперацию между коммуникантами. Важно учитывать также систему универсальных и этноспецифических лингвокультурных типажей, эталонов, аксиологем и регулятивных концептов, то есть тех единиц, благодаря которым ЯКМ обретает ценностное измерение, аутентичную телеологию. Попытаемся проиллюстрировать данный тезис на материале цикла стихотворений М. Цветаевой «Стол».

Прежде чем приступить к процессу совместного комментированного чтения, подготовим для обучающихся список вопросов, среди которых и широко известные в русской лингвокультуре прецедентные тексты (предтекстовый этап):

1. Что такое *стол?* Исходя из значения этого слова как конкретно-вещественного объекта действительности, можно ли сказать, что данное существительное способно выступить в качестве *символа*?

2. «Поэт в России – больше, чем поэт». По ходу погружения в поэтический цикл попытайтесь найти аргументы pro et contra этого утверждения.

3. «Единственная обязанность на земле человека – правда всего существа» (М. Цветаева). Подумайте, удалось ли поэту следовать этой максиме.

1 этап предтекстовой работы: очерк социального и биографического контекста. Жизнь языковой личности со всеми ее коллизиями и изломами судьбы, как писал Вяч. Вс. Иванов, – это благодатная почва для анализа и наблюдения [3]. Марина Цветаева – один из наиболее самобытных поэтов русской литературы XX века – жила в эпоху, которая стала переломной для России и для всего мира. Она родилась в 1892 году в интеллигентной семье профессора И.Цветаева, основателя Музея изящных искусств им. А.С. Пушкина, и талантливой пианистки М.А. Цветаевой (урожденной Мейн), ученицы Рубинштейна. Цветаева очень рано начала писать и музицировать; первые ее стихотворения, дошедшие до нашего времени, были написаны в возрасте шести лет. В 18 лет, будучи гимназисткой, Марина Цветаева издала

небольшим тиражом книжку «Вечерний альбом», благосклонно принятую критиками и поэтами, в особенности М. Волошиным. Получившая превосходное домашнее образование, Цветаева долгое время воспринимала себя последователем романтического направления в литературе (в частности, восходящего к европейской традиции); однако исторические события, коснувшиеся России (мировая война и революция), привнесли в ее поэзию подлинно-национальное звучание. Пережив революцию и голод, смерть младшей дочери и разлуку с мужем, 17 лет в эмиграции, Цветаева не смогла жить, вернувшись на Родину. Ее жизнь трагически оборвалась в 1941 г. Профессор В.С. Баевский называет Цветаеву «великим тружеником» [4, с. 171]. Действительно, Цветаева писала вопреки событиям и обстоятельствам: революции, голоду, эмиграции. Она оставила после себя колоссальное наследие. Об этом – поэтический цикл «Стол», датированный приблизительно 1933 г.

В метатекстовой информации заголовка – ключ к движению по герменевтическому кругу. Цикл, как известно, представляет собой метатекстовое образование, объединенное общей сверхзадачей и архитектоникой, внутри которой каждое стихотворение выступает не столько аутентичной частью, сколько вариацией на заданную тему. Это открытое множество текстов, сплачиваемых общей идеей [5, с. 639]. Представляя собой многосоставное целое, цикл не может сохранять своей целостности при редукции или перестановке его компонентов. С точки зрения эстетики именно в цикле достигается наивысшая авторская активность: если лирический герой высказывается в отдельном тексте, то автор организует контекст осмысления этого высказывания. Общий ценностный центр «Я-концепции» лирического субъекта и творца композиционно объединяет цикл [6, с. 161]. Следовательно, именно в цикле (в нашем случае, цикле «Стол») наиболее полно проявлена роль лирического субъекта, его отношение к своему месту в мире («тут-бытии»).

Что несет нам заглавие комплекса? «Стол» относится к древним праславянским словам, образованным от глагола «стьлати». Несмотря на то,

что это в строгом смысле полисемант (1.род мебели; 2. угощение (метонимия); 3. учреждение; 4. престол, княжение (ист.)), «стол» редко осмысливался поэтами как философема. Однако в цикле Цветаевой, посвященном тридцатилетию поэтического творчества, именно «столу» отведена концептообразующая функция. Он становится своеобразным символом творческого труда.

Каждое стихотворение цикла построено по принципу обращения, которое уже в первом стихе первой строфы актуализирует прием олицетворения: стол воспринимается Поэтом как извечный спутник, хранитель, помощник (*Мой письменный верный стол! / Спасибо за то, что шел / Со мною по всем путям, / Меня охранял, как шрам*) [7, с. 1011].

При чтении первого четверостишия обучающимся уместно дать краткую справку об инициационных обрядах древних славян, в которых *шрам* воспринимается как «метка выжившего», счастливый знак перехода в мир живых на пути социализации личности. Номинация «вьючный мул» – еще один интертекстуальный импульс, который может быть интересен при дешифровке цикла. Мул – один из рекуррентных ветхозаветных образов, символизирующий кротость, смирение, готовность к тяжелому труду и избранничество (на ослике явился в мир Спаситель). «Строжайшее из зерцал», «дубовый противовес льву ненависти, слону обиды», который настигал поэта всюду, как «Шах» – «беглянку», «соблазнам мирским порог», «мой заживо смертный тес», «престол, простор» – каждый из приведенных номинативных комплексов становится значимым с точки зрения интерпретации, потому что в их системных связях кристаллизуется концептуальная «вертикаль» лирического субъекта: человека, для которого творчество есть непреложный и каждодневный труд вопреки «низостям» жизни, мирской суете, быстротечности времени («за дестью десть»). «Стол», одним из семантических структов которого становится «престол» (мотив избранничества, царствования), – главное доверенное лицо между Поэтом и Богом (который в цикле назван «Столяром»). Поэту должно нести свое призвание как высшее

ремесло и крест, и тогда все вокруг него – от пня и паперти до могильной плиты – будет ему столом. Задача Поэта – воздать создателю за каждую «вещь в размер». Для лирического субъекта Цветаевой стол – символ подвижнического труда; неслучайно она писала: «Талантом гордиться нечего, Он от провидения и от родителей. Нам остается только трудолюбие. Талант плюс труд, только!» [7].

В данном случае кратко прокомментированный комплекс номинаций внутри цикла позволяет эксплицировать одну из базовых ценностей (аксиологем) русской ЯКМ – концепт «Труд».

По мнению В.П. Синячкина [8], ценность «труд» занимает одно из центральных мест в аксиологической системе русской ЯКМ: она имеет ряд положительных коннотаций, связанных с понятиями «общественно полезной деятельности человека», «работой», «результатом, произведением». Как отмечает Н.Н. Зарубина, ценность труда сформировалась на архаической стадии формирования русского этноса: изначально «труд» был связан с феноменом «страды», требующей преодоления и трансформировавшей тяжелую работу в «радость». Таким образом, «труд» воспринимался славянами как поистине космогоническое действо [9, с 441]. Несмотря на амбивалентность данного регулятивного концепта, его позитивные семантические корреляции являются для русской ЯКМ преобладающими (ср. «честный труд», «труд облагораживает», «созидательный труд» и т.д.).

Таким образом, ценность «труд», являющаяся одной из ключевых в русской лингвокультуре, может быть проиллюстрирована при помощи совместного с обучающимися комментированного чтения, в процессе которого дополнительно:

- дешифруются прецедентные тексты и ситуации;

- дается пояснение устаревшей лексики (например, сущ. «зерцало») и предлагается поиск адекватных синонимов;

- происходит вертикализация культурно-исторического контекста, благодаря которой обучающиеся могут получить знания о развитии русской культуры;

- задействован эстетический модус восприятия.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Исток художественного творения. – М.: Академический проект, 2008. – 528 с.

2. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Адаптированная художественная литература в обучении иностранных студентов и студентов-билингвов русскому языку // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. No 4. С. 553—561. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-4-553-561

3. Иванов Вяч.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

4. Баевский В.С. История русской литературы XX века. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 448 с.

5. Михайлов А.В. «Западно-восточный диван» Гете: смысл и форма // Гете И.В. Западно-восточный диван. – М., 1988. – С. 639.

6. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: «Академия», 2006. – 336 с.

7.Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. – М.: «Альфа-книга», 2008. – 1214 с.

8. Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: Лингвокультурологический анализ. – Дисс. док-ра филол.наук, М.: Военный университет, 2011. – 298 с.

9. Зарубина Н.Н. Труд в русской культуре // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энц. Словарь / Ред.кол.: Мчедлов М.П. и др. Авт. кол.: Андреев А.А. и др. — М., 2001. — 544 с.

Lyudmila P. Dianova

LINGUO-CULTUROLOGICAL COMPONENT IN TEACHING RFL (ON THE MATERIAL OF M. TSVETAEVA POETRY CYCLE "THE TABLE")

Abstract

This article is about the ways of providing linguocultural information to students of bi- and multilingual audiences who speak Russian at the B2 level and above. The basic presuppositions accumulated by students at this level allow them to work with more complex semiotic systems, in particular, with poetic texts. Commented reading of a poetic text jointly with students is not only an involvement in the aesthetic mode of the language, but also a resource for getting acquainted with the basic values of linguistic culture. On the material of M. Tsvetaeva's poetry cycle "The Table", we are trying to show how the explication of the codes embedded in the text can lead to the formation of new knowledge in students about the basic values of culture.

Keywords: linguistic culture, language picture of the world, Russian as a foreign language, commented reading.

Сведения об авторе:

Дианова Людмила Павловна, к.филол.н., доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России, Москва, Россия; e-mail: l.dianova56@mail.ru